

Новая методологическая перспектива в социальном познании

(Рецензия на книгу: *Смирнова Н. М. Социальная феноменология в изучении современного общества*. М. : Канон +; РООИ Реабилитация, 2009. 400 с.)

А. С. КРАВЕЦ

Рецензируемая книга является фундаментальным исследованием историко-философского генезиса, идейного содержания и эвристического потенциала нового теоретико-методологического направления в социальном познании – социальной феноменологии. Укорененному в американской традиции понятию «феноменологическая социология» автор предпочитает термин «социальная феноменология», который фигурирует у учеников и последователей его основателя А. Шюца. И такая замена имеет глубокий смысл. Если в первой фундаментальной работе «Смысловое строение социального мира» Шюц занимался в основном вопросом понимания социальных действий (своего рода социальной герменевтикой), то в дальнейшем он развивал эти идеи в проект новой социальной философии, опирающейся на заимствованный у Э. Гуссерля концепт «жизненного мира». Изложение содержания этого проекта осложняется философски изощренной терминологией, восходящей к трансцендентальной феноменологии Гуссерля –

НОВЫЕ КНИГИ

одной из наиболее сложных философских конструкций XX в. И в рецензируемой книге можно обнаружить несколько смысловых пластов, рассчитанных на различные уровни предметной компетентности читателя.

Хотя теоретическими истоками социальной феноменологии являются работы Э. Гуссерля и М. Вебера, Н. М. Смирнова вполне обоснованно начинает родословную нового проекта социальной философии с проблемной методологической ситуации, сложившейся в процессе разборки крупнейших синтезов новоевропейской метафизики. В «философии жизни» (В. Дильтей) и неокантианстве Баденской школы (Г. Риккерт) «науки о природе» и «науки о духе» противопоставлены друг другу, тогда как задача состояла в том, чтобы обнаружить глубокие общие корни научного и философского мышления в человеческом познании и деятельности.

Основоположник трансцендентальной феноменологии задумал грандиозный проект изучения истоков любого смыслообразования, общих для обыденного и научного мышления. Гуссерль замыслил свой проект как универсальную и строгую науку (своеобразную трансцендентальную логику), раскрывающую трансцендентальные формы образования человеческих смыслов. Отметим, что анализ творчества Гуссерля (см. гл. II рецензируемой книги) проведен автором столь тщательно и скрупулезно, что может служить учебным пособием для изучения основных идей трансцендентальной феноменологии.

Соглашаясь с авторской реконструкцией идей Гуссерля, мы все же расходимся с Н. М. Смирновой в оценках значимости трансцендентальной феноменологии. Более того, мы допускаем мысль о том, что идеи трансцендентальной феноменологии не оказали решающего влияния на формирование социальной феноменологии и особенно на ее эволюцию, несмотря на многочисленные ссылки Шюца на гуссерлевский первоисточник. С таким мнением, безусловно, можно не соглашаться, но в нем нет ничего парадоксального. В истории науки много примеров, свидетельствующих о том, как ученый отправлялся от одного источника, в итоге приходил к прямо противоположному выводу.

Хотя Гуссерль и признает, что смысл связывает человека с миром, вопрос об объективном содержании смысла в его философии остается открытым. Вообще говоря, противостояние субъективного и объективного проходит через все эпистемологические дискуссии как реальная и наиболее сложная проблема когнитивного отношения к миру. Акцент в сторону «объективности» порождает, как показывает Н. М. Смирнова, когнитивные предпосылки реификации, т.е. овеществления, «объективации» конституированных смыслов, субъективистский же крен подрывает веру в возможность достижения не только научной истины, но и просто взаимного согласия.

Чтобы обнаружить трансцендентальные формы конституирования смысла, Гуссерль предлагает осуществить феноменологическую редукцию, т.е. мысленное «очищение» сознания от всех смыслов, почерпнутых из жизненного мира, коммуникаций, воспитания и образования. Такой мысленный эксперимент, конечно же, не осуществим на практике. Но с точки зрения Гуссерля, в результате такой редукции мы можем обнаружить «в трансцендентально чистом сознании» априорные *формы*

конституирования любых смыслов. В этом допущении Гуссерля содержится скрытое признание того, что человек изначально обладает указанными формами смыслообразования – до и вне всякой социальности. Приняв во внимание весь комплекс когнитивных наук о сознании, с этим положением трудно согласиться.

Главный недостаток теории Гуссерля, с нашей точки зрения, заключается в ее асоциальности. Немецкого философа не интересовали социальные детерминанты порождения смыслов, вопросы онтогенеза детского мышления, культурологические проблемы мышления в архаических обществах. Конечно, любая теория всегда от чего-либо абстрагируется. Формальная, равно как и трансцендентальная логика, отвлекаются от содержания смыслов, а также от социальных аспектов мышления. Но Гуссерль подчеркивал, что он создает не логику, а философию порождения смыслов. Нам же представляется, что для теории генезиса человеческих смыслов социальная обусловленность порождения смыслов и культура овладения ими настолько существенны, что абстрагироваться от них невозможно. Поэтому обращение к социальным аспектам смыслообразования, трансляции и понимания смыслов, предпринятое социальной феноменологией, является принципиально новым и позитивным вкладом в философскую теорию смысла.

Как могут взаимодействовать сознания в процессе совместной деятельности? Шюц соглашается с Гуссерлем в том, что поток переживаний Другого мне непосредственно не доступен. Мимические знаки (вроде нахмуренных бровей или широко раскрытых глаз) указывают лишь на эмоциональное состояние коммуникативного партнера, но сами по себе не в состоянии раскрыть смысл его переживаний. Поэтому он выдвигает концепцию *взаимности перспектив* действующего и наблюдающего. Эта взаимность перспектив оценок и смыслов конкретной ситуации взаимодействия коммуникативных партнеров обусловлена, в конечном счете, общим жизненным миром взаимодействующих субъектов. «Идеализация взаимозаменяемости точек зрения (актера и наблюдателя. – А.К.), – пишет Н. М. Смирнова, – и совпадения систем релевантностей совместно образуют *всеобщий тезис взаимности перспектив*. Он конституирует всеобщие *типизации* (курсив мой. – А.К.) обыденного мышления. Использование подобных идеализаций и позволяет предположить наличие общего сектора мира, воспринимаемого одинаково, невзирая на различие биографических ситуаций» (Н. М. Смирнова. Указ. соч. С. 234). На первый взгляд такое предположение означает солидаризацию с феноменологически иррациональной теорией эмпатии. На самом деле, как показывает Н. М. Смирнова, тезис о взаимности перспектив восходит к гуссерлевской идее *аналогизирующей апперцепции*. Однако ключевое слово уже произнесено: мы понимаем друг друга в жизненном мире на основе *типизаций* наблюдаемых действий – смысловых конфигураций, сложившихся эмпирически в синтезе опытов. Когнитивный анализ типизаций обыденного мышления, приводящий в конце концов к представлению о генезисе intersubjectивных значений, и есть решительный поворот от трансцендентальной феноменологии к социальной.

В книге Н. М. Смирновой подняты весьма важные общие методологические вопросы построения социальных теорий. Главным недостатком

классических социальных теорий автор считает приверженность к высоко абстрактным идеализациям, потерявшим связь с жизненным миром, ориентацию исключительно на макропараметры (государство, экономика, классы, политика, общество, социальный порядок и т.п.) в описании социальной реальности. В результате из классических социальных теорий «выпадает» человек как несущественный артефакт социальной жизни.

Наконец, Н. М. Смирнова справедливо усматривает серьезный методологический изъян классической социальной теории в неоправданной претензии социального теоретика на роль «абсолютного наблюдателя», тогда как в обществе нет такой социальной позиции, с которой его можно было бы обозреть с позиций вненаходимости. Презумпция укорененности социального теоретика в структурах жизненных миров позволяет снять это неоправданное теоретическое допущение.

Проблема эмпирических оснований теории связана с проблемой релевантности, анализу которой в книге уделено значительное место. Автор показывает, что отбор релевантных фактов обусловлен исследовательской программой ученого. Мы также скептически относимся к тому, что можно создать социальную теорию, отвечающую на любые вопросы о социальном мире, и разделяем с автором недоверие к попыткам создать всеохватывающую, универсальную социальную теорию. Каждая теория отвечает на определенный вопрос, поставленный теоретиком. Четко сформулированный вопрос определяет и область релевантных исследовательских ресурсов: эмпирических фактов, моделей, теоретических конструктов. Можно предположить, что и мир intersubjectивных жизненных смыслов может быть в одних случаях релевантным, а в других не релевантным решению поставленной задачи.

В заключение отметим, что в монографии Н. М. Смирновой на основе тщательного анализа первоисточников (на английском и немецком языках) представлен новый вариант социальной философии, имеющей значительный вес в западной философской мысли, но, к сожалению, еще практически не освоенной в России. Поэтому все, кого интересует проблема социального познания, смогут найти в книге источник новых интересных идей и подходов.